

необоснованного и неавторитетного другого примешивается к нашему зеркально отраженному облику. В нем сплетаются четыре разноплановых выражения: 1) наша случайная эмоционально-волевая установка; 2) ее оценка возможным другим; 3) наше отношение к этой оценке; 4) тот образ, который мы предназначали для другого (позирование).

Действительная целостность приходит к нам от другого как его дар, «незаслуженный и неожиданный», и скорее он похож на портрет, сделанный авторитетным художником — «видение себя в мире другого глазами чистого и цельного другого человека»¹⁷. Только в другом человеке, видящем, помнящем, собирающем и любовно объединяющем отдельные проявления моего Я, дано мне живое и эстетически убедительное переживание моей человеческой целостности. Характерно, что и в онтогенезе мое конкретное Я есть творение другого, ценностно оформляющего и осеменяющего отрывки моих экспрессивных реакций. С первых дней пробуждающегося сознания ребенка встречается с постепенно утверждающей его личность любовью и заботой близких людей. От них он получает свое имя, от них приходят слова и действия, оформляющие «шевелиющийся хаос нужд и недовольств... в котором растворена и потоплена будущая диада его личности и противостоящего ей внешнего мира»¹⁸. Свидетельство того, что наше собственное внутреннее отношение к самому себе первоначально формируется не когнитивно-прагматическими реакциями других людей, а любовью близких, Бахтин усматривает в уменьшительно-ласкательной форме высказываний ребенка о себе самом и о своем теле: моя головка, ручки, ножки и т. п. Абсолютная нужда в любви отличает бахтинскую версию генезиса нашего Я от других социологических обоснований становления личности в онтогенезе.

¹ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1978. С. 362.

² См.: Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 122.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 343.

⁴ Там же. С. 300.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 62.

⁸ Там же. С. 57, 70, 80.

⁹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 176.

¹⁰ См.: Радзиховский Л. А. Проблемы диалогизма сознания в трудах М. М. Бахтина // Вопросы психологии. 1985. № 6.

¹¹ Бахтин М. М. К философии поступка. С. 130.

¹² Там же. С. 136.

¹³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 67—69.

¹⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 46.

И. И. МЕШЕЧЕК

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «АНТАГОНИСТИЧЕСКИЕ И НЕАНТАГОНИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ»

Понятия «антагонистические и неантагонистические противоречия» широко применяются в научной литературе при характеристике той или иной социальной системы. Однако строго научного определения этих понятий до сих пор нет. Это приводит, в частности, к тому, что некоторые из обществоведов, исходя из традиционных определений сущности этих понятий, приходят к выводу о наличии антагонистических противоречий в социалистическом обществе.

Традиционно антагонистические противоречия определяются как взаимоотношения исключających друг друга противоположностей. Эти последние могут быть представлены индивидами, коллективами, нациями, классами. Например, по мнению Б. И. Сюсюкалова «социальный антагонизм — это противоречие, в противоположностях которого представлены взаимоисключающие интересы враждебных классов»¹. В. Е. Козловский считает, что «антагонистические противоречия отличаются враждебностью классовых

интересов», а неантагонистические «хотя и имеют противоположные тенденции, но они временные, преходящие, не затрагивающие коренных классовых интересов»².

Оба определения имеют серьезные недостатки. Так, в определении антагонистического противоречия, как это ни парадоксально, нет самого противоречия, т. е. отношения противоположностей, которые одновременно исключали бы и предполагали друг друга. Здесь указывается только на момент противопоставленности сторон, но ничего не говорится об их единстве. В определении неантагонистического противоречия этот недостаток устранен. Здесь отмечается не только момент противопоставленности сторон, но и момент их единства. Причем единство преобладает над противопоставленностью. Кроме того, оба типа противоречий ошибочно рассматриваются как синонимы понятий вражды и дружбы. Поэтому и формы их разрешения традиционно делятся на насильственные и мирные.

Наконец, оба определения не обладают достаточной обобщенностью, которая отличает все философские категории, в том числе и категорию противоречия. При определении двух типов противоречий вовсе не обязательно увязывать противоположности с их конкретными носителями: классами, нациями, коллективами. Ведь антагонистические и неантагонистические отношения имеют место не только в обществе, но и в природе. Поэтому достаточно при определении противоречий выявить тип связей между противоположностями, какими бы эти последние не были.

Антагонистические и неантагонистические противоречия являются конкретным проявлением противоречия вообще. Согласно общепризнанному определению, диалектическое противоречие — это взаимодействие противоположных, взаимосключающих сторон предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении. Очевидно, что с этой точки зрения антагонистическое противоречие будет включать в себя не только момент противопоставленности сторон, но и момент их единства. Соответственно, неантагонистическое противоречие будет складываться не только из единства сторон, но и включать в себя момент их противопоставленности. Таким образом, обе разновидности противоречия будут различаться между собой лишь тем, что в антагонистическом противоречии противопоставленность сторон будет преобладать над их единством, а в неантагонистическом противоречии, наоборот, единство сторон будет преобладать над их противопоставленностью.

Из сказанного видно, что понятия антагонистических и неантагонистических противоречий не сводятся к понятиям вражды и дружбы. Они значительно шире их. Поэтому и формы разрешения антагонизмов не сводятся только к насильственным, а неантагонизмов — только к мирным средствам. Антагонистические противоречия могут разрешаться как насильственными, так и мирными средствами, а неантагонистические — как мирными, так и насильственными.

Примером антагонистического противоречия может служить противоречие между пролетариатом и буржуазией. Противопоставленность этих двух противоположных сторон обусловлена их неравным отношением к средствам производства: капиталист является их собственником, а пролетарий нет. Единство (взаимозависимость) пролетария и капиталиста также обусловлено их отношением к средствам производства: и капиталист, и пролетарий благодаря отношению к средствам производства воспроизводят себя как индивидов. Понятно, что оба отношения даны одновременно, но первое отношение преобладает над вторым.

Примером неантагонистических противоречий являются противоречия между пролетариями, а также между капиталистами, т. е. внутрикласовые противоречия. Единство пролетариев обусловлено тем, что они лишены собственности и все вместе противостоят буржуазии. Это единство имеет место как внутри страны, так и между странами и проявляется как интернациональное единство пролетариата. В последнем случае международный пролетариат противостоит международной буржуазии. Противопоставленность пролетариев обусловлена тем, что они, как уже говорилось, находятся в некотором единстве с капиталистами. Это является причиной конкуренции между пролетариями и порождает оппортунистические настроения в их среде. Противоречия эти не являются антагонистическими, так как единство между ними преобладает над их противопоставленностью. Ведь все они находятся в еще большем противоречии по отношению к буржуазии.

Среди капиталистов также возникают неантагонистические противоречия. Их единство заключается в том, что они являются собственниками и проти-

востоят пролетариату. Но так как величина собственности у них различна, то это является причиной соперничества между ними.

В социалистическом обществе также имеют место неантагонистические противоречия как в межклассовых, так и во внутриклассовых отношениях, а также между нациями и народностями. Источником единства советских людей является их качественное равенство по отношению к средствам производства. Причиной же их противопоставленности является различная величина их собственности, а значит, и различные материальные условия их жизни. Так, условия и уровень жизни городского населения в целом выше, чем сельского, уровень жизни одних наций и народностей выше, чем других, уровень жизни одних трудовых коллективов выше, чем уровень жизни других коллективов. Эта неоднородность материальных условий жизни людей обусловлена недостаточно высоким уровнем развития производительных сил социализма.

В последнее время в нашей обществоведческой литературе стали высказываться мнения, что при социализме наряду с неантагонистическими противоречиями имеют место также и антагонистические противоречия. Так, Б. И. Сюсюкалов пишет: «Конечно, противоречия, принимающие форму антагонизмов, но не носящие социально-классового характера, могут быть и существуют при социализме на индивидуальном, личностном и групповом уровнях»³. Еще определеннее высказывается на этот счет А. П. Попов: «Основой развития социалистического общества являются неантагонистические противоречия. Но это также не означает, что их ведущее положение отрицает возможность возникновения и существования антагонистических противоречий. Практика социализма свидетельствует, что здесь возникают антагонистические противоречия и в определенных условиях они могут развиваться в социальные антагонизмы. И дело не сводится к существованию лишь индивидуальных антагонизмов»⁴.

Оба автора правы лишь отчасти. В любом обществе основным критерием, определяющим характер противоречий между индивидами (классами, нациями, коллективами), является их отношение к средствам производства. Если индивиды качественно не равны по отношению к средствам производства, т. е. одни являются собственниками, а другие нет, то они находятся в антагонистическом отношении. Если же этого неравенства нет, то нет и антагонизмов.

Конечно, при желании можно отвлечься от этого основного критерия, определяющего характер противоречий любого общества. Можно вводить иные критерии, иные точки отсчета равенства и неравенства между индивидами, например, национальные, правовые, моральные и т. п. И с помощью этих критериев нетрудно отыскать сколько угодно примеров антагонистических противоречий в социалистическом обществе. Точно так же можно отыскать массу случаев неантагонистических противоречий в капиталистическом обществе между буржуазией и пролетариатом. В обыденной жизни порой так и поступают. Но то, что годится для обыденного, индивидуального сознания, то не годится для теоретического, общественного сознания. Теоретическое сознание рассматривает все социальные отношения в их действительной и неразрывной связи друг с другом, выделяя основные и неосновные отношения. С научной точки зрения все проявления так называемых антагонизмов в национальных, правовых и моральных отношениях в социалистическом обществе являются всего лишь проявлением момента противопоставленности сторон в неантагонистическом противоречии. Ведь и порождены они в конечном счете количественным неравенством индивидов по отношению к средствам производства, различной величиной их собственности и различными материальными условиями их жизни. Но это неравенство, как уже отмечалось, не является господствующим и поэтому оно не способно породить антагонизмы.

Обратимся, например, к национальным отношениям. В последнее время они стали предметом особого внимания всего общества. Происходящие здесь серьезные конфликты, связанные с насильственным способом их разрешения, могут навести на мысль о наличии антагонистических противоречий в межнациональных отношениях. Однако при более внимательном рассмотрении обстоятельств, ведущих к возникновению конфликтов, выясняется, что оснований для такого вывода нет.

Разногласия, например, между Арменией и Азербайджаном возникли, как известно, из-за бедственного положения жителей Нагорного Карабаха, принадлежащих в большинстве к армянской национальности. Но как бы ни были сложны проблемы, вызвавшие конфликт, ясно одно: противоречия

между двумя народами не являются антагонистическими. Это противоречия между двумя самостоятельными в экономическом, политическом и правовом отношениях нациями в рамках одного и того же государства и поэтому общих интересов у них гораздо больше, чем частных. Именно преобладание общих интересов позволит со временем преодолеть возникшие разногласия на взаимоприемлемой основе, а не за счет какой-либо одной из сторон.

Нельзя считать антагонистическими и противоречия, возникающие в правовых и моральных отношениях в социалистическом обществе, ибо не коренные общественные интересы индивида толкают его на преступление, а частные, личные интересы.

Таким образом, лишь упрощенное понимание некоторыми советскими учеными сущности антагонистических и неантагонистических противоречий, отождествление индивидуальной практики с общественной, обыденного сознания с теоретическим и привело их к неверному, с научной точки зрения, выводу о том, что при социализме наряду с неантагонистическими противоречиями имеют место также и антагонистические. Общественная практика социализма свидетельствует, что это не так.

¹ Сюсюкалов Б. И. О специфике противоречий и движущих сил // Научный коммунизм. 1988. № 5. С. 52.

² Козловский В. Е. Отличительные черты диалектики социализма. М., 1984. С. 17.

³ Сюсюкалов Б. И. О специфике противоречий и движущих сил. С. 52.

⁴ Попов А. П. Характер противоречий социализма // Научный коммунизм. 1988. № 5. С. 61.

А. Н. МАХМАДОВ

МИГРАЦИОННАЯ ПОДВИЖНОСТЬ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Миграционная подвижность — целостный и динамический процесс, объединяющий различные формы перемещения населения через границы тех или иных территорий с переменой места жительства. Она включает в себя миграцию населения между городами, отдельными районами, республиками и т. д.

Миграционная подвижность населения как конкретно-историческое явление находится в диалектической взаимосвязи с социальными отношениями. Она обусловлена соответствующим способом производства, уровнем общественного развития, а также природно-географическими условиями данной страны и другими факторами. В свою очередь, миграционная подвижность влияет на развитие всей совокупности общественных отношений, прежде всего национальных, и выступает предпосылкой развития населения вообще, экономической, социально-политической и духовной сфер жизни нации. Каждый мигрант является носителем национального языка, национального характера, национального самосознания, культуры и традиций, оказывая тем самым существенное воздействие на изменение духовной жизни коренной этнической общности. Отмечая эту особенность воздействия миграционных процессов на развитие национальных отношений, В. И. Ленин писал: «Без создания подвижности населения не может быть и его развития»¹.

В результате миграции усиливается участие различных социально-этнических, социально-демографических групп в изменении качественного состава населения, уровня и характера хозяйственного развития того или иного региона. В настоящее время в нашей стране миграционная подвижность имеет ряд закономерных тенденций: рост интенсивности; сближение уровней миграционной подвижности населения разных наций и народностей; миграция из обжитых регионов страны в слабозаселенные восточные и северные районы; систематические и значительные перемещения из села в город; переселения между городами. Эти закономерности (тенденции) имеют неодинаковую значимость и последствия в конкретно-исторических условиях места и времени. Их протекание определяется факторами переселения, т. е. наиболее глубокими, важными движущими причинами переселения, которые можно разделить на экономические, этнические, культурные, демографические, природные и социально-психологические.

Например, в Таджикистане к факторам, стимулирующим миграционную подвижность, относятся: неравномерное размещение производительных сил;